ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ
THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья
УДК 316.351
DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-40-50

ОРГАНИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ КОНСОЛИДАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Валентин Павлович Бабинцев[1], Яна Игоревна Серкина[2]✉

[1, 2]Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
[1]babintsev@bsu.edu.ru, ORCID: 0000-0002-0112-6145, AuthorID РИНЦ: 265785
[2]serkina_ya@bsu.edu.ru✉, ORCID: 0000-0002-5106-7104, AuthorID РИНЦ: 643045

Аннотация. ***Цель исследования:*** *рассмотреть особенности организации публичных коммуникаций в консолидирующихся сообществах приграничных с Украиной субъектах РФ.*

Методологическую базу исследования *представляют варианты позиционирования коммуникаций в зависимости от избранных моделей консолидации: стихийной, кризисной, имитационной, административной, утопической и партнерской.*

Результаты исследования. *Доказывается, что в настоящее время наиболее перспективной является партнерская модель, в рамках которой возможно построение сбалансированной системы конструктивных коммуникаций, предполагающей их институционализацию. Формулируются принципы формирования такой системы и даются рекомендации по их реализации.*

Перспективы исследования *заключаются в обеспечении развития процесса консолидации региональных сообществ в приграничных регионах России в условиях нестабильной социальной среды.*

Ключевые слова: *регион, региональное сообщество, социальная конъюнкция, социальная дизъюнкция, солидарность, консолидация, публичные коммуникации, идентичность, доверие, справедливость, ответственность, консолидационный потенциал региона*

Для цитирования: *Бабинцев В. П., Серкина Я. И. Организация публичных коммуникаций в процессе консолидации регионального сообщества в приграничных регионах России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, №2. С. 40–50. http://dx.doi.org/10.17213/2075–2067–2024–2-40-50.*

© Бабинцев В. П., Серкина Я. И., 2024

Original article

ORGANIZATION OF PUBLIC COMMUNICATIONS IN THE PROCESS OF CONSOLIDATION OF THE REGIONAL COMMUNITY IN THE BORDER REGIONS OF RUSSIA

Valentin P. Babinsev[1], Yana I. Serkina[2]✉

[1, 2]Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
[1]babintsev@bsu.edu.ru, ORCID: 0000-0002-0112-6145, AuthorID RSCI: 265785
[2]serkina_ya@bsu.edu.ru✉, ORCID: 0000-0002-5106-7104, AuthorID RSCI: 643045

Abstract. ***The purpose of the research*** *is to consider the peculiarities of the organization of public communications in the consolidating communities of the subjects of the Russian Federation bordering Ukraine.*

The methodological basis of the study *is represented by options for positioning communications depending on the selected consolidation models: spontaneous, crisis, imitation, administrative, utopian and partnership.*

Research result. *It is proved that the partner model that has developed at the present time is the most promising, within the framework of which it is possible to build a balanced system of constructive communications, assuming their institutionalization. The principles of the formation of such a system are formulated and recommendations for their implementation are given.*

The prospects of the research *are to ensure the development of the process of consolidation of regional communities in the border regions of Russia in an unstable social environment.*

Keywords: *region, regional community, social conjunction, social disjunction, solidarity, consolidation, public communications, identity, trust, justice, responsibility, consolidation potential of the region*

For citation: *Babinsev V.P., Serkina Ya. Organization of public communications in the process of consolidation of the regional community in the border regions of Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(2): 40–50. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-2-40-50.*

Введение. Проблематика консолидации населения России, в том числе и субъектов РФ, стала исключительно актуальной в последнее время, что, несомненно, связано с внешнеполитической ситуацией, характеризующейся реализацией политики санкций, осуществляемой в отношении нашего государства политическим руководством ряда западных стран и их участием в вооруженном геополитическом конфликте на Украине. Однако в отечественной научной литературе она стала предметом анализа задолго до обострения отношений России и «Запада», представляя собой рефлексию интегративных и дезинтегративных процессов в стране. В частности, иркутские исследователи еще в середине 2010-х годов разработали концепцию социальной конъюнкции и дизъюнкции. При этом если последняя представляет собой «процесс разъединения, угрожающий самой жизни общества — его социальному воспроизводству» [4, с. 11], то первая, выступая в качестве альтернативы разъединения, обеспечивает воспроизводство социума. И консолидация в их понимании — не просто форма социальной конъюнкции, процесс, ведущий к формированию важнейшего социального метаинститута — солидарности.

Метаинститут рассматривается рядом исследователей как «феномен человеческого общества, обусловленный биологическими факторами, получающий психологическое

сопровождение и обоснование, имеющий социальные последствия в виде практик, структур и институтов и создающий тем самым одну из базовых возможностей для общей жизнедеятельности социума» [5, с. 10]. Без таких феноменов невозможно воспроизводство общества.

Одним из оснований конструирования метаинститута солидарности в российском регионе является эффективно функционирующая система публичных коммуникаций, которая способна создавать и распространять «метаинституциональные концепты», возникающие «как коллективные представления (ментальные модели, актуализирующиеся в дискурсе), распространяемые посредством языка» [9, с. 29], поэтому важно иметь ясное представление о специфике организации публичных коммуникаций в консолидирующемся обществе. Особое значение она приобретает в приграничных субъектах РФ, являющихся наиболее открытыми объектами для внешних опасностей и угроз.

Материалы и методы исследования. Материалами для работы стали:

— публикации, посвященные анализу проблем социальной консолидации [1; 3; 5; 6; 7; 13]. В ходе их анализа был применен метод реконструкции, предполагающий в данном случае восстановление значений и смыслов, заложенных в тексты в условиях дефицита знаний, либо сознательного искажения (изложения эзоповым языком). Этот метод целесообразен, поскольку вследствие влияния общественно-политической конъюнктуры авторы публикаций не всегда откровенно и последовательно излагают свои позиции. В ситуации, когда в социологии нет однозначных требований к применению данного метода [2, с. 168–169], мы при анализе руководствовались критерием, который можно определить как «коммуникационные основания консолидационного процесса», позволяющим выделить в нем коммуникативную составляющую;

— материалы авторских социологических исследований, проведенных под руководством или при участии авторов в приграничных с Украиной регионах РФ: исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», осуществленного в 2022 году методами массового анкетного опроса (n = 1518, выборка квотная) городских жителей (Курская, Белгородская, Воронежская области); экспертного опроса (50 экспертов); фокус-группового интервьюирования городских жителей (6 групп); «Комплексного мониторинга “Консолидационный потенциал Белгородской области”», осуществленного методом анкетного опроса населения Белгородской области в 2022 году научно-исследовательской лабораторией развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета (n = 6800, выборка квотная);

— результаты включенного наблюдения, полученные в ходе непосредственного участия в разработке и реализации в Белгородской области Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы».

Результаты и обсуждение. В настоящей статье мы рассматриваем три наиболее значимых, на наш взгляд, аспекта формирования публичных коммуникаций в консолидирующихся региональных сообществах российского приграничья: политико-идеологический, организационно-технологический и содержательный.

Политико-идеологический аспект сводится к проблеме выбора варианта реализации консолидационного процесса. Рассматривая консолидацию как объединение и сплочение региональных сообществ, нельзя не учитывать, что объединить их можно различными способами, и каждый из них будет опираться на специфическое решение проблемы публичных коммуникаций. В ходе реконструкции научных текстов, теоретического анализа проблемы, эмпирических исследований и опыта участия в разработке Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы», утвержденной Правительством Белгородской области в 2011 году, у нас сложилось представление о возможности различных моделей консолидации.

1. Стихийная консолидация. Очевидно, что для абсолютного большинства граждан, за исключением тех, кто руководствуется

в жизни деструктивными, антисистемными установками, консолидация и интеграция являются предпочтительными (в сравнении с дезинтеграций и автономизацией) вариантами регионального развития. Это вполне адекватно человеческой природе, выражающейся в готовности идентифицироваться с социальной группой, общиной и использовать такую идентификацию в своих интересах [18].

Стихийная консолидация не предполагает акцентирование внимания на системном решении проблемы публичных коммуникаций. «По умолчанию» допускается, что они будут выстраиваться автоматически, как следствие самоорганизации и саморегуляции.

2. Кризисная консолидация. В определенной степени ее можно рассматривать в качестве специфического варианта стихийной, поскольку данная модель также предполагает самоорганизацию граждан, но осуществляемую под влиянием внешнего триггера, в качестве которого выступает источник опасностей и угроз. Как показывает ситуация в Белгородской области и в других приграничных областях в ходе проведения специальной военной операции на Украине, кризисная консолидация находит свое выражение в формах взаимопомощи и поддержки, волонтерства, благотворительности.

Однако влияние триггера внешней опасности на перспективы консолидации неоднозначно. У части граждан он провоцирует нарастание пессимизма, фобий, в ряде случаев ведет к психическим расстройствам, к тому же его воздействие на консолидационный процесс ограничено по времени. Публичные коммуникации в субъекте РФ в этом случае будут выстраиваться фрагментарно. Как показывает опыт Белгородской области, интенсифицируется общение в сетевых группах, связанное с обменом полезной для предотвращения опасностей и угроз информацией. Возникает феномен «кризисного пиара» представителей политических институтов.

3. Административная консолидация. Она предполагает принудительное объединение граждан с использованием ресурсов государственной и муниципальной власти. В сущности, эта модель применительно к современным условиям воспроизводит концепцию механической солидарности Э. Дюркгейма [15], несмотря на то, что последняя строилась на анализе архаических обществ (впрочем, современный социум довольно успешно воспроизводит в своем развитии элементы ретроархаики). Характерными чертами данной модели являются: нормативное регулирование процесса; управление процессом консолидации посредством государственных и муниципальных структур; институционализация процесса в форме создания так называемых ГОНГО-организаций, то есть государством организованных негосударственных организаций, имитирующих институты гражданского общества; формализация и бюрократизация деятельности. Фактически этот вариант был реализован при разработке и осуществлении Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы» в Белгородской области, которая была инициирована губернатором и его администрацией.

Проблема публичных коммуникаций в данном случае трансформируется в проблему поиска каналов, позволяющих эффективно доносить до населения информацию, полезную для институтов власти, в том числе и консолидационные инициативы. Реакцией на эту односторонность, как правило, является отказ значительной части населения региона воспринимать идущую «сверху» информацию. Показательно в данной связи, что мониторинговые исследования в Белгородской области даже 2014 году выявили: только 37% населения имели представление о стратегии консолидации, несмотря на то, что она два года усиленно пропагандировалась.

4. Имитационная консолидация. Сегодня можно утверждать, что она является логическим продолжением административной модели, ее превращенной формой. Опыт Белгородской области дает основание утверждать, что такая модель отражает реакцию инициаторов консолидационного процесса на его неудачи. Для модели типична симуляция практик консолидации, выражающаяся в декларациях о приверженности консолидационным ценностям, демонстрации намерений объединяться и декорировании интеграции опять-таки путем создания «псевдогражданских» структур. Данный вариант модели рассчитан на приобретение лидерами и группами дополнительного политического капитала за счет спекуляции на действительно привле-

кательной идее солидарности. Возможность осуществления этой модели довольно велика в силу широкого распространения симулятивных практик. Публичные коммуникации в данном случае будут рассматриваться и оцениваться обычно под углом зрения их способности обеспечить имидж консолидационного процесса.

5. Утопическая консолидация, представляющая собой мечту об обществе социального единства, братства справедливости. Примером вполне может служить идея А. Проханова об обществе «русской мечты».

Эта модель консолидации включает в себя формирование «образа консолидированного региона», организацию многочисленных обсуждений идеи в рамках публичного дискурса (конференции, форумы, презентации), мультипликацию образа в виде символов, лозунгов, нарративов [11]. Коммуникации в данном случае будут выполнять (и фактически уже выполняют) роль инструмента организации дискурса между сторонниками и в определенной степени мобилизации общественного мнения.

6. Партнерская консолидация. Она представляет своего рода идеальную модель и может интерпретироваться как основанный на регулируемом достижении ценностно-смыслового консенсуса совместный проект государственных структур и институтов гражданского общества, где инициатива последних является приоритетной, а управление сводится к созданию условий для реализации решений.

Характерными чертами взаимодействия акторов регионального пространства в данном случае должны стать четкое определение границ, обеспечение гражданам возможности выбора форм взаимодействия, создание условий для участия в публичном диалоге, опора на интеллектуальную элиту, консенсусный язык общения. Фактически речь в данном случае идет о переходе к модели так называемого «умного управления», предполагающего социетальную ориентацию решений и действий, активное участие объекта и эффективные обратные связи [12].

В рамках данной модели создаются возможности для построения сбалансированной системы публичных коммуникаций. Однако при этом возрастает значение ***организационно-технологического аспекта*** выстраивания публичных коммуникаций. Он сводится к необходимости их институционализации.

Под институционализацией мы понимаем решение предельно широкого круга задач, включающих в себя: 1) нормативное регулирование коммуникативных практик; 2) формирование реализующих их в публичном пространстве субъектов, обеспечение условий для их деятельности; 3) достижение общественной конвенции относительно интерпретации феноменов солидарности и консолидации, их роли в современном социуме.

Решение этих задач может быть наиболее последовательным только при реализации партнерской модели консолидации и лишь в случае «мягкого» управления или регулирования, предполагающего соблюдение ряда правил, которые мы свели к девяти требованиям, представленным в таблице 1.

Мы полагаем, что соблюдение этих требований создает реальные условия для перехода от преобладающего сегодня символически-декларативного отношения к солидаризации к деятельностному (праксеологическому). Но этот шаг предусматривает реализацию взаимоувязанных действий, укладывающихся в рамки следующих направлений: социально-технологическое, нормативно-правовое, организационное, научно-аналитическое.

1. Социально-технологическое направление. Оно может быть реализовано в виде дорожной карты институционализации публичных коммуникаций в приграничном регионе.

2. Нормативно-правовое направление. Поскольку наиболее перспективной, хотя и трудно осуществимой, моделью консолидации является партнерская, она предполагает минимальное нормативно-правовое регулирование. Мы полагаем, что нормативную базу консолидации в данном случае могут составлять два документа:

— *Общественный договор о принципах публичных коммуникаций в региональном сообществе*, определяющий основы взаимодействия субъектов в публичном пространстве. В подписании его должны принять участие руководители представительных и исполнительных государственных органов, органов местного самоуправления, Общественной палаты, наиболее влиятельных

институтов гражданского общества, бизнеса, церкви;

— *Стратегия консолидации регионального сообщества*, характеризующая последовательность действий и направления консолидации. Ее мы предлагаем выстраивать на основе проектного подхода.

Целесообразным представляется разработка и реализация пяти проектов, каждый из которых курируется адекватными его содержанию по своим функциям государственными и общественными структурами:

1) «Духовные скрепы». Цель — переориентация (насколько это возможно в обществе

Таблица 1
Table 1

Требования для построения сбалансированной системы публичных коммуникаций при реализации партнерской модели консолидации региональных сообществ
Requirements for building a balanced system of public communications in the implementation of the partner model of consolidation of regional communities

Требование	Суть требования	Обеспечение реализации
«Высокая размерность»	Преодоление практики анализа ситуации лишь в контексте чисто региональных проблем (мышление в «низкой размерности»), способность видеть макросоциальные и даже глобальные причины событий и явлений	Формирование профессионального экспертного сообщества
Гибридность	Реализация процесса институционализации не только в традиционной «физической», но и виртуальной среде	Подготовка специалистов в сфере виртуальных технологий
Антропоцентризм	Приоритет интересов человека	Комплексная диагностика «человека» как субъекта коммуникаций; наличие системы гражданского контроля
Социетальность	Активность институтов гражданского общества	Формирование механизма общественного участия
Стратегическая ориентированность	Построение долгосрочных планов	Долгосрочное прогнозирование и планирование («жизнь в долгую»)
Рискогенность	Прогноз рисков и умение прогнозировать их негативные следствия и использовать открываемые ими возможности	Управление процессом рискогенеза в гибридной среде
Ресурсная оптимизация	Компетентный анализа имеющихся возможностей и оптимизации использования средств	Внедрение «ресурсозамещающих» моделей управления
Технологичность	Рационализация управленческих подходов и решений, использование социальных технологий	Алгоритмизация управления
Дигитальность	Использование цифровых технологий и в перспективе искусственного интеллекта	Формирование цифровых сетевых платформ как перспективных механизмов публичных коммуникаций

потребления, общественного сознания) с материальных на духовные ценности;

2) «Отзывчивая власть». Цель — дебюрократизация процесса взаимодействия власти и населения на основе внедрения цифровых технологий, повышение уровня взаимного доверия;

3) «Общественное служение». Цель — поддержка добровольческих и иных инициатив, направленных на решение общественных проблем через традиционные «физические» и виртуальные каналы;

4) «Общее дело». Цель — стимулирование общественных объединений и конструктивных сетевых сообществ, развитие социального партнерства;

5) «Справедливость для всех». Цель — обеспечение приоритета закона и морали в общественных отношениях, противодействие коррупционным и иным деструктивным проявлениям.

3. Организационное направление предполагает формирование инфраструктуры коммуникаций. Оно может быть осуществлено в виде специального проекта.

4. Научно-аналитическое направление. Институционализация системы публичных коммуникаций предполагает постоянное информационно-аналитическое сопровождение. Для решения данной задачи предлагается осуществление следующих действий:

1) формирование профессионального экспертного сообщества, осуществляющего оценку коммуникационных и консолидационных процессов в региональном сообществе и определение перспектив их развития;

2) создание научно-исследовательского центра, в задачи которого входит:

— разработка показателей оценки коммуникационных процессов в условиях цифровизации/дигитализации общества;

— подготовка ежегодного доклада о развитии публичных коммуникаций;

— разработка регламентов общественных слушаний о развитии процессов консолидации и деконсолидации в региональном сообществе;

— проведение социологического мониторинга публичных коммуникаций.

Однако формирование организационно-технологических условий не исчерпывает всей сложности рассматриваемой проблемы. Важен и ***содержательный аспект*** организации публичных коммуникаций, образ консолидации, который субъекты коммуникаций будут презентовать в публичном пространстве.

В настоящее время он наполнен в основном ценностным содержанием и ориентирован на достижение ценностного консенсуса в соответствии с доминирующей в научной литературе концепцией. В.Н. Кузнецов описывал его как «важный фактор функционирования и поддержания стабильности общества на основе согласия, базирующегося на сходстве взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей, норм, правил поведения, ролей, отношений власти и т.д. между субъектами социальных отношений» [8, с. 37]. Шире трактует проблему А.С. Капто, утверждая, что «основу социальной консолидации составляет устойчивая артикулированная совокупность понятийных и принятых людьми личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов, которые содействуют каждому человеку в выстраивании взаимоотношений с другими людьми, группами и социальными институтами» [3, с. 256]. Однако и в его интерпретации ценности играют ключевую роль, что следует уже из названия публикации.

Более гибкой является позиция Е.А. Попова, выделяющего наряду с ценностно-смысловым потенциалом солидарности ее социальные детерминанты. Однако и он заключает, что «универсальная природа самой солидарности, проявляющейся в совершенно разных типах общественных отношений и консолидации, определяется в том числе и соответствующими универсальными ценностями» [10, с. 28].

Но трудность состоит, во-первых, в том, что до настоящего времени отсутствует определенность в отношении ценностей, которые будут базовыми для консолидации. Проблему не решает даже то, что существует Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», содержащий, как подчеркивают исследователи, перечень базисных ценностей отечественной культуры [14], но сфера их влияния распространяется на все области общественной жизни и не конкре-

тизируется применительно к консолидации. А.Е. Попов, правда, полагает что «именно универсальные ценности следует брать во внимание при исследовании солидарности» [10, с. 28], однако такой подход не учитывает специфики формирования и функционирования метаинститута солидарности.

Мы полагаем, что следует говорить об особой группе ценностных оснований (паттернов) консолидации, к числу которых относятся идентичность, справедливость, доверие и ответственность. Каждый из них играет свою роль в ходе решения задач солидаризации населения приграничного региона и находится во взаимосвязи с другими. Идентичность позволяет субъектам сформировать представление о причастности к региональному сообществу; доверие — выстраивать отношения с контрагентами на основе сотрудничества и взаимопомощи; справедливость — позитивно воспринимать сложившиеся отношения, не допускать их деструкции; ответственность — выполнять добровольно принятые на себя общественные обязательства. Частично наша позиция совпадает с позицией В.В. Узунова, правда, употребляющего понятие «факторы консолидации», к числу которых, в частности наряду с патриотизмом, религией и этничностью, относит идентичность и доверие [13].

Недостаточная ясность в отношении ценностных оснований консолидации является не только научной, но и практической проблемой, нерешенность которой дезориентирует субъектов коммуникации. Суть проблемы можно свести к нескольким положениям.

Во-вторых, ценности, на основе которых может осуществляться общественный консенсус, с одной стороны, не подкрепляются условиями жизнедеятельности региональных сообществ, с другой стороны, они не выполняют функции регулятивов поведения. Наши исследования показали, что региональная идентичность в трех рассматриваемых регионах в 2022 году была характерна лишь для 11% жителей. Правда, в 2023 году показатель в одной Белгородской области достиг 21,5%, но, скорее всего, в основе его роста лежит рефлексия увеличения опасностей и угроз для приграничного региона в ходе Специальной военной операции на Украине. Не менее сложно складывается ситуация с доверием. Если на уровне соседско-родственной среды оно («горизонтальное доверие») является высоким (в частности 84,4% жителей города в полной мере доверяют родственникам, 65,5% — друзьям и знакомым), то доверие к органам местной власти («вертикальное доверие») существенно ниже — им доверяют только 47,9%. На селе фиксируется практически такой же уровень доверия к местной власти: как показало исследование «Консолидационный потенциал Белгородской области», его показатель составляет 44,4%. При этом доверие считают в полной мере или преимущественно важным для себя 90,8% жителей области

Только 28,2% респондентов в ходе этого исследования подтвердили: жизнь в их локальном сообществе устроено справедливо. Но в то же время 95,4% признали, что реализация принципа справедливости является для них в полной мере или преимущественно важной. 88,7% респондентов аналогично высказались об ответственности, но лишь 63% заявили об успешном решении задачи ее утверждения в сознании жителей муниципалитета.

В условиях, когда ценности консолидации формально сохраняют для населения регионов свое символическое значение, но далеко не всегда выступают в качестве регулятивов общественных процессов и поведения граждан, исследователям и практикам в регионах, выстраивая систему публичных коммуникаций, следует обратить внимание на то, что Е.А. Попов определил как «социальные коннотации солидарности» [10, с. 28], которые, по нашему мнению, включают в себя социальные предпосылки интеграции. К их числу мы относим наличие общих для всех (или для абсолютного большинства жителей) проблем, интересов и потребностей (для приграничных регионов это в первую очередь безопасность). В контексте их консолидация представляется как «общее дело», а основная идея, определяющая систему публичных коммуникаций, может быть представлена как взаимодействие и сотрудничество в ходе их решения или достижения при условии лояльности. Согласно Т. Парсонсу, она означает «готовность откликнуться на должным образом “обоснованный” призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности» [17, p. 26].

Безусловно, это не значит, что следует отказаться от стратегии достижения ценностного консенсуса, но следует учитывать: ценностный консенсус не осуществим без способности и готовности граждан слышать друг друга и, несмотря на социальные и идейные различия, взаимодействовать в решении общих проблем, то есть конструктивно «коммуницировать». Данный подход имеет обоснование в виде коммуникативной концепции солидарности Ю. Хабермаса, который связывал установление отношений солидарности именно с «неискаженностью» дискурса, то есть с качеством коммуникаций [16, p. 158].

Именно поэтому адекватная ситуации система коммуникаций позволит перейти от символической консолидации (заключающейся в декларациях намерений) к деятельностной, предполагающей реальное осуществление солидаристских практик.

Заключение. Таким образом, формулируя задачу организации публичных коммуникаций в контексте консолидации региональных приграничных сообществ, востребованность которой будет только возрастать в нестабильном социуме, целесообразно обратить особое внимание на неоднозначность ее возможных решений. Они зависят от выбора модели консолидации, перспективы институционализация системы публичных коммуникаций и адекватного определения контента с учетом реальной ситуации и структуры повседневных общественных потребностей.

Список источников

1. Аносов С. С. Эффективность консолидации: социальная политика государства // Социология. 2021. №2. С. 5–20.

2. Игнатьева О. А., Плетнев А. В. Реконструкция концепции аномии Макса Вебера // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. №53. С. 168–176.

3. Капто А. С. Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2021. №3. С. 256–265.

4. Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. №2. С. 3–12.

5. Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. К общей теории метаинститутов // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 16 марта 2020 г.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. С. 8–11.

6. Ковригина Г. Д. Социальная идентичность жителей региона и перспективы территориального развития // Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект. Материалы VIII международной научно-практической конференции. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2019. С. 215–218.

7. Кравченко С. А. Нормальная аномия: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. №8. С. 3–10.

8. Кузнецов В. Н. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии. 2003. №3(13). С. 7–47.

9. Литвинцев Д. Б., Литвинцева Г. П. Под покровом метаинститутов. Дом как метаинституциональный концепт // Journal of Institutional Studies. 2023. №15(1). С. 23–33.

10. Попов А. Е. Солидарность как явление современной культуры // Философия и культура. 2021. №11. С. 26–32.

11. Проханов А. Что такое «русская мечта» [Электронный ресурс] // Царьград. 25 сентября 2019 г. URL: https://tsargrad.tv/shows/aleksandr-prohanov-chto-takoe-russkaja-mechta_218555 (дата обращения: 28.08.2023).

12. Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. №1. С. 74–81.

13. Узунов В. В. Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. №2(12). С. 56–69.

14. Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2020. Т. 6. №3. С. 9–19.

15. Durkheim E. The Division of Labor in Society. Paris: Simon and Schuster, 1997. 352 p.

16. Habermas J. Moral consciousness and communicative action. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990. 225 p.

17. Parsons T. The Social System. New York: The Free Press, 1951. 620 p.

18. Ridley M. The origins of virtue. Penguin, UK. 1997. 304 p.

References

1. Anosov S.S. Jeffektivnost' konsolidacii: social'naja politika gosudarstva [Efficiency of consolidation: social policy of the state]. *Sociologija* [*Sociology*]. 2021; (2): 5–20. (In Russ.).

2. Ignat'eva O. A., Pletnev A.V. Rekonstrukcija koncepcii anomii Maksa Vebera [Reconstruction of the concept of anomie by Max Weber]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [*Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*]. 2020; (53): 168–176. (In Russ.).

3. Kapto A.S. Ob'edinjajushhie cennosti social'noj konsolidacii [Unifying values of social consolidation]. *Social'no-gumanitarnye znanija* [*Social and humanitarian knowledge*]. 2021; (3): 256–265. (In Russ.).

4. Karmadonov O.A. Solidarnost', integracija, kon'junkcija [Solidarity, integration, conjunction]. *Sociologicheskie issledovanija* [*Sociological research*]. 2015; (2): 3–12. (In Russ.).

5. Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. K obshhej teorii metainstitutov [Towards the general theory of meta-institutions]. Social'nye instituty v pravovom izmerenii: teorija i praktika. Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Irkutsk, 16 marta 2020 g.) [Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference (Irkutsk, March 16, 2020)]. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet, 2020. Pp. 8–11. (In Russ.).

6. Kovrigina G.D. Social'naja identichnost' zhitelej regiona i perspektivy territorial'nogo razvitija [Social identity of the inhabitants of the region and prospects of territorial development]. Strategija i taktika realizacii social'no-jekonomicheskih reform: regional'nyj aspekt. Materialy VIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Strategy and tactics for the implementation of socio-economic reforms: a regional aspect. Materials of the VIII international scientific and practical conference]. Vologda: Vologodskij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, 2019. Pp. 215–218. (In Russ.).

7. Kravchenko S.A. Normal'naja anomija: kontury koncepcii [Normal anomie: contours of the concept]. *Sociologi-cheskie issledovanija* [*Sociological research*]. 2014; (8): 3–10. (In Russ.).

8. Kuznecov V.N. O sociologicheskom smysle ideologii konsolidacii: geokul'turnyj aspekt [On the sociological meaning of the ideology of consolidation: geocultural aspect]. *Bezopasnost' Evrazii* [*The security of Eurasia*]. 2003; 3(13): 7–47. (In Russ.).

9. Litvincev D.B., Litvinceva G.P. Pod pokrovommetainstitutov.Domkakmetainstitucional'nyj koncept [Under the cover of meta-institutes. House as a meta-institutional concept]. *Journal of Institutional Studies* [*Journal of Institutional Studies*]. 2023; 15(1): 23–33. (In Russ.).

10. Popov A.E. Solidarnost' kak javlenie sovremennoj kul'tury [Solidarity as a phenomenon of modern culture]. Filosofija i kul'tura [Philosofia and culture]. 2021; (11): 26–32. (In Russ.).

11. Prohanov A. Chto takoe «russkaja mechta» [What is the «Russian dream»] [Jelektronnyj resurs]. Car'grad. 25 sentjabrja 2019 g. URL: https://tsargrad.tv/shows/aleksandr-prohanov-chto-takoe-russkaja-mechta_218555 (data obrashhenija: 28.08.2023). (In Russ.).

12. Tihonov A.V., Bogdanov V.S. Ot «umnogo regulirovanija» k «umnomu upravleniju: social'naja problema cifrovizacii obratnyh svjazej [From «smart regulation» to «smart management»: the social problem of digitalization of feedbacks]. *Sociologicheskie issledovanija* [*Sociological research*]. 2020; (1): 74–81. (In Russ.).

13. Uzunov V.V. Faktory social'noj konsolidacii v regional'nyh soobshhestvah na Juge Rossii [Factors of social consolidation in regional societies in the South of Russia]. *Caucasian Science Bridge*. 2021; 2(12): 56–69. (In Russ.).

14. Harichev A.D., Shutov A. Ju., Polosin A.V., Sokolova E.N. Vosprijatie bazovyh cennostej, faktorov i struktur social'no-istoricheskogo razvitija Rossii (po materialam issledovanij i aprobacii) [Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation)]. *Zhurnal politicheskih issledovanij* [*Journal of Political Studies*]. 2020; 6(3): 9–19. (In Russ.).

15. Durkheim E. The Division of Labor in Society. Paris: Simon and Schuster, 1997. 352 p.

16. Habermas J. Moral consciousness and communicative action. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990. 225 p.

17. Parsons T. The Social System. New York: The Free Press, 1951. 620 p.

18. Ridley M. The origins of virtue. Penguin, UK. 1997. 304 p.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.
The article was submitted on 28.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Valentin P. Babintsev — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University.

85 Pobedy str., Belgorod, Russia

Серкина Яна Игоревна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг», Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Yana I. Serkina — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Marketing, Belgorod State National Research University.

85 Pobedy str., Belgorod, Russia

Вклад авторов:
Бабинцев В. П. — концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.
Серкина Я. И. — развитие методологии; написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:
Babintsev V. P. — the concept of the study; the writing of the source text; the final conclusions.
Serkina Ya. I. — development of methodology; writing of the source text; revision of the text; final conclusions.